

Гун Чэнь окончательно запутался.

«Что за чушь?»

Они ведь тогда даже толком не знали друг друга! С чего бы Сюй Цыаню взъесться на него?

— С чего ты взял? — недоуменно спросила Ин Вань.

— Уродство, — лаконично отрезал Сюй Цыань.

Гун Чэнь лишился дара речи.

«В смысле?!»

— Шихон, ты точно никого не перепутал? — после недолгого молчания осторожно поинтересовалась Ин Вань. — Я видела младшего соученика Гуна. Уж кем-кем, а уродцем его точно не назовешь.

Да какое там «не назовешь»! Не будь Гун Чэнь изгнан с горы, он бы без труда вошел в тройку красивейших мужей Поднебесной.

— Исключено, — Сюй Цыань негромко постучал пальцами по столу. — Черный цвет сидит на нем просто убого.

А, так речь шла о шмотках!

Гун Чэнь мысленно возмутился. Черный — идеальный цвет! Стильно, да и грязь не так видна.

Ин Вань попыталась припомнить детали:

— Какого цвета были его одежды, я уже и не скажу, но сейчас он бежит по поручениям Башни Цзыцзинь. Наверняка носит их форменную одежду.

— Посыльным? — Сюй Цыань покосился на нее. — Вы с ним близки?

— Вовсе нет, — покачала головой девушка. — Мы просто живем по соседству, но почти не общаемся.

Сюй Цыань задумчиво хмыкнул:

— Ему бы больше подошел красный.

— Ну... возможно, — растерялась Ин Вань.

В народе красный любили — цвет праздников, свадеб и веселья, символ добрых предзнаменований. Гун Чэнь и сам не прочь был примерить что-то яркое, да только Кэ Суй однажды отрезал, что не по сеньке шапка:

«Красный слишком ярок для тебя, а твоя жизненная нить слишком тонка. Хочешь протянуть подольше — держись от этого цвета подальше».

Тогда Гун Чэнь лишь отмахнулся — мол, глупые суеверия. Но когда посреди ночи у него случился очередной жестокий приступ, и он, корчась от боли, катался по полу, а после еле поднялся — бледный как смерть, — то первым же делом выгреб из шкафа все красные наряды и выбросил без сожаления.

Впрочем, сейчас, когда он уже мертв, какая разница?

Если Сюй Цыаню так хочется, Гун Чэнь хоть розовый наденет.

Немного помолчав, Сюй Цыань спросил снова:

— А посыльные из Башни Цзыцзинь доставляют заказы на Западный пик?

— Думаю, да, но путь неблизкий, придется доплатить за дальность. Шихон, ты ведь не собираешься...

— Золото — не преграда, — протянул Сюй Цыань, погружившись в думы. — Проблема в другом: если я вызову его и подарю ему халат, он примет подарок?

Ин Вань опешила:

— А? Ну... Шихон, вообще-то любой нормальный человек от такого откажется.

Гун Чэнь мысленно завопил:

«Возьму! Конечно возьму! С чего бы мне отказываться?!»

— Вот как, — безучастно отозвался Сюй Цыань. — Тогда, может, ты передашь?

— Погоди, — не выдержала Ин Вань. — Какая разница, из чьих рук он его получит?

— Вы соседи, — резонно заметил тот. — А я ему никто.

— Но мы же не общаемся!

— Не общаетесь? — Сюй Цыань слегка нахмурился, но тут же расслабился. — Ладно, забудь.

Ин Вань потеряла дар речи.

Невыспавшийся Сюй Цыань порой доводил окружающих до белого каления.

Зато Гун Чэнь едва сдерживал беззвучный хохот.

Внезапно перед глазами все поплыло и потемнело, голоса смолкли — это Ин Чуньлай провалилась в сон.

«Вот ведь глупая девчонка, опять на дереве заснула».

Когда совет завершился, Ин Вань облетела вершины окрестных деревьев, отыскала спящую сестру и бережно отнесла ее домой. По дороге Чуньлай на миг приоткрыла глаза и, сонная, потянулась ладошками к лицу сестры. Зажав пухлыми пальчиками ее щеки, она с силой потянула их вверх, заставив улыбнуться, и только после этого удовлетворенно заснула снова.

Спустя полмесяца пришло письмо от семьи.

Ин Вань небрежно бросила его Чуньлай, велев прочесть вслух. В последнее время младшая сестра только и делала, что спала, ела да училась грамоте. Читала она со скрипом, то и дело спотыкаясь на слогах, но смысл уловить было можно.

— Сяо... Вань, ма... ма ску-ча-ет, — старательно выговаривала Чуньлай. — На днях... ма-му одолел силь-ный... недуг. Дни ее... соч-те-ны. Же-ла-ет уви-деть... дочку в по-след-ний... раз...

Лицо Ин Вань мгновенно осунулось. Она вырвала письмо из рук сестры, быстро пробежала глазами по строчкам и той же ночью помчалась в Гуцзан.

— Матушка!

Стоило распахнуть двери дома, как в нос ударил тяжелый, удушливый запах отваров.

Дрожа всем телом, Ин Вань бросилась к постели, где лежала угасающая госпожа Ин.

— Доченька моя... — старуха раскинула руки для объятий, но стоило Ин Вань прильнуть к ней, как на губах матери проступила зловещая, торжествующая усмешка. — Наконец-то ты в моих руках.

Ин Вань так и застыла. Осознав лазейку, она рванулась назад, но было поздно. Из темноты прихожей выросли две фигуры — один толстый, другой поджарый. Словно клещами, они вцепились ей в плечи и завели руки за спину, намертво стягивая их грубой пеньковой веревкой.

— Поставьте эту негодницу на колени предо мной!

Раздался глухой стук.

Ин Вань жестко повалили на деревянный пол. Не в силах поверить в происходящее, она вскинула голову:

— Цзя Юйжу! Что ты творишь?!

— Что я творю? — госпожа Ин, уперев руки в бока, медленно подошла к ней. — Это я должна тебя спросить! Дрянная девка, я устроила тебе встречу с молодым господином Дуанем, а ты сбежала прямо посреди разговора! Больше полумесяца не казывала носу дома, ни весточки не подала! Ты что, в могилу меня загнать решила?!

— Да он сам мне в лицо заявил, что я ему не ровня! У него на уме совсем другая, зачем мне было там оставаться? — Ин Вань вызывающе вскинула подбородок. — К тому же, у меня вообще-то есть тот, кого я люблю!

Раздался хлесткий удар. Ладонь матери с силой опустилась на щеку девушки.

— Заткнись! — ледяным тоном процедила госпожа Ин. — Запомни, Ин Вань: в этой жизни у тебя есть право любить лишь одного человека.

Ин Вань от удара откинула голову в сторону. С трудом сглотнув набежавшие слезы, она процедила сквозь зубы:

— Да ты хоть слово из моих речей слышишь?! Дуань Сюань на дух меня не переносит!

— Мне плевать. Главное — он на тебе женится, — лицо матери оставалось суровым и непреклонным. — Твой отец за эту помолвку заплатил собственной жизнью. Это единственный шанс для нашей семьи выбиться в люди.

— Ну еще бы, — Ин Вань горько усмехнулась. — Великий и благородный господин Ин спас второго главу ордена Дуань и со спокойной душой сбыл дочь его второму сынку, дабы мы могли влачить это жалкое существование. Какая забота! Я прямо-таки сгораю от благодарности...

Второй удар пришелся на ту же щеку.

— Ах ты, тварь неблагодарная! — в глазах госпожи Ин вспыхнула яростная обида. — Как у тебя только язык повернулся такое сказать?! Думаешь, одной тебе солоно приходится? Твой отец сгинул, враги обступили нас со всех сторон, только и ждали, когда две беззащитные женщины оступятся! Ты думаешь, мне было легко?! Я из кожи вон лезла ради тебя, а вырастила эгоистичную дрянь! С глаз моих долой! Заприте ее! — прошипела она слугам. — Пусть сидит взаперти, пока ум наружу не прорежется. Ни крошки еды ей не давать!

— Да катись оно все к черту, — Ин Вань без сил откинулась на холодные доски и закрыла глаза.

Дверь с грохотом захлопнулась, заскрежетал засов.

Ин Вань долго лежала без движения, уставившись в потолок. Вдруг где-то наверху послышался легкий шорох. Одна из черепиц на крыше сдвинулась, образовав небольшую щель. Просвет становился все шире, пока в нем не показался круглый любопытный глаз.

— Ивань... Ивань... — донесся до нее тихий, едва различимый шепот.

— Кухня в восточном крыле. Если проголодалась — иди и стащи что-нибудь, — Ин Вань повернулась на бок, подтянув колени к груди. — А лучше возвращайся в свой лес. Перестань таскаться за мной.

— Ивань...

— Сказала же: не зови меня, не ищи и вообще оставь в покое! Убирайся!

Шорох наверху прекратился. Похоже, девчонка послушалась и ушла.

Только когда воцарилась полная тишина, одинокая слеза скатилась по щеке Ин Вань. Плечи ее задрожали, и из груди вырвался глухой, надрывный всхлип. Она сжалась в комок, содрогаясь от безмолвных рыданий.

«Почему... почему все так?»

Время тянулось невыносимо долго. Когда слезы иссякли, а тело продрогло от сквозняка, Ин

Вань с трудом разомкнула опухшие веки и посмотрела наверх. На месте прежней щели в потолке теперь зияла огромная дыра. Из нее показалась одна босая детская ножка, следом за ней — вторая.

Зажмурившись от страха, Ин Чуньлай сиганула вниз.

Целясь аккуратно сестре на голову.

— Твою ж мать! — взывала Ин Вань. С невиданной доселе прытью она вскинула связанные ноги вверх, успев подставить стопы прямо под падающую девчонку.

Удар пришелся подошвой в подошву. Обошлось без жертв.

Ин Вань, тяжело дыша, уставилась заплаканными глазами на дурочку, которая едва не проломила ей череп. Чуньлай, осознав, что приземлилась удачно, радостно залепетала «Ивань!» и всем телом втиснулась в объятия сестры.

Ин Вань на мгновение замерла, но затем мягко опустила подбородок ей на макушку и погладила по спутанным волосам.

— Глупенькая моя... — прошептала она.

Время сделало очередной скачок, перенеся их в день помолвки.

Вокруг звенели чарки, воздух наполнился хмельным смехом, а вся усадьба утопала в кричаще-красных шелках. Ин Вань стояла в великолепном алом одеянии, расшитом фениксами, вежливо кланялась гостям и лучезарно улыбалась, принимая поздравления.

— Ин Вань, поздравляю.

Знакомый голос со спины заставил ее вздрогнуть. Стерев на миг застывшую маску вежливости, она вновь натянула улыбку и обернулась:

— Шихон! Сколько лет, сколько зим. О, и младший соученик Гун здесь.

— Старшая сестра Ин, — Гун Чэнь, одетый в нарядный черный халат из тонкого шелка, подпоясанный ярко-красным кушаком, выглядел необычайно статно и свежо. Он вежливо поклонился, держась чуть позади Сюй Цыаня.

— Какими судьбами вы здесь? — спросила девушка.

— Мы с шихоном охотились на нечисть неподалеку и искали ночлег. Заметили праздничную суету, расспросили людей и, узнав, что это твоя помолвка, решили зайти без приглашения. Надеюсь, ты примешь наш скромный дар, — Гун Чэнь протянул ей изящный ларец.

— Благодарю, — Ин Вань кивнула, принимая подношение. — Сколько ты уже странствуешь на равнинах, младший соученик?

— Почти полгода, — отозвался тот.

— Значит, еще полгода — и можно возвращаться в орден, — грустно улыбнулась Ин Вань. — Глядишь, через пару лет сам будешь водить на испытания неопытных учеников.

— Куда мне с моими скромными талантами, — отмахнулся Гун Чэнь и как бы невзначай добавил: — Вот шихон у нас одарен невероятно, ему наверняка достанутся лучшие преемники.

Сюй Цыань окинул его холодным взглядом:

— Твои способности и впрямь оставляют желать лучшего.

Гун Чэнь натужно закашлялся:

— Усердие способно восполнить любой недостаток!

— Особого прилежания я за тобой тоже не замечал, — припечатал Сюй Цыань.

— Позволь не согласиться! — возмутился юноша. — Я поднимаюсь с первыми лучами солнца!

— Еще бы. Позже встанешь — останешься без жареных баоцзы у того немого лавочника.

— Но они ведь безумно вкусные!

— Вот и получается, что ты только ввысь растешь, а не в духовной силе.

— Рост — это тоже достижение!

— Ну так расти сразу до небес, чего мелочиться.

Гун Чэнь обиженно надулся и отвернулся, пробурчав под нос:

— Вот вечно ты надо мной издеваешься, шихон... Посмотрю я, как ты запоешь, когда меня не станет. Локти кусать будешь, да поздно.

— С чего бы мне жалеть? — Сюй Цыань изогнул бровь. — К тому времени у меня уже появится новый послушный соученик.

Гун Чэнь промолчал, окончательно помрачнев.

— Вы двое... — подала голос Ин Вань, внимательно наблюдавшая за их перепалкой. — Вы часом не...

Договорить ей не дали — кто-то робко потянул ее за край широкого рукава.

— Чуньлай? погоди, куда ты меня тащишь?

Младшая сестра настойчиво увлекла ее прочь от шумной залы, в тихий затененный угол сада.

— Сестрица, — Чуньлай заглянула ей в лицо своими чистыми глазами. — Тебе очень-очень грустно.

Ин Вань растерялась, но попыталась отшутиться:

— С чего ты взяла? Все хорошо.

— Не обманывай меня, — тихо попросила девочка. — Я ведь глупая. Если ты соврешь, я поверю.

Ее янтарные глаза светились такой искренней, неподдельной нежностью, что Ин Вань не выдержала. Она долго смотрела на сестру, пока глаза ее стремительно не наполнились слезами.

— Чуньлай... он поздравил меня. Я не понимаю... чему тут радоваться? Меня отдают чудовищу, которое упивается чужой болью, а человек, которого я люблю всей душой, просто желает мне счастья... Каждый, кто сегодня пришел, твердит эти фальшивые поздравления. Но слышать это от него... — Ин Вань судорожно вздохнула, давась слезами. — У меня сердце разрывается, Чуньлай. Я больше не могу притворяться.

— Сестрица...

Чуньлай приподнялась на цыпочки и крошечным рукавом бережно промокнула слезы на ее ресницах.

— Спасибо, что поделилась со мной. Забудь, что говорят те люди. Послушай меня. Ты обязательно будешь счастлива. Я помогу тебе, хорошо?

Окружающий мир пошел глубокими трещинами и осыпался прахом, уступая место кромешной тьме. Память Ин Чуньлай о ее посмертном пути оказалась безвозвратно повреждена. Осколки воспоминаний закружились неистовым вихрем, являя новые обрывки прошлого.

— Дуань Сюань расторг помолвку.

— Что?! — лицо Ин Вань в мгновение ока сделалось бледнее мела. — Нет... этого не может быть! Как же наш дом? Неужели орден Дуань бросит нас на растерзание врагам? Я должна увидеть его, я ведь ни в чем не виновата! Почему он...

— Успокойся, сестрица, — Чуньлай крепко обняла ее, пытаясь утихомирить бурю в ее душе. — Семья Дуань не лишит нас покровительства. Но они выдвинули одно условие.

— Какое? — Ин Вань замерла от недоброго предчувствия.

Чуньлай посмотрела на нее с бесконечной, кроткой нежностью:

— Вместо тебя за Дуань Сюаня выйду я.

Визгливо завывали соны, гремели барабаны — свадебная процессия тронулась в путь.

— Чуньлай, давай сбежим? — Ин Вань шла рядом со свадебным паланкином, задыхаясь от рыданий. — К черту приличия, к черту всех! Давай просто уберемся отсюда, я не могу позволить ему сгубить тебя!

Занавеска приоткрылась, и Чуньлай покачала головой, ласково улыбаясь:

— Ну что ты плачешь? Сегодня мой праздник, ты должна радоваться за меня.

— Нет, не лги себе! — Ин Вань спрятала лицо в ладонях. — Ты ведь делаешь это только ради меня...

Чуньлай потянулась к ней, желая утереть слезы сестры, но на полпути опустила руку. Шелковая шторка паланкина скользнула вниз, и изнутри донесся легкий, почти беззаботный

ГОЛОСОК:

— Ничуть. Он мне правда нравится.

Рыдания Ин Вань и праздничный гул сона оборвались в одно мгновение, оставив после себя лишь звенящую, леденящую пустоту.

Пока тишину не разорвал истошный, полный первобытного ужаса крик.

— Дуань Сюань! Изверг! Что ты с ней сотворил?! Что ты с ней сделал?! Сволочь!

Этот крик, переходящий в безумный вой, казалось, исходил из самых глубин бездны. Облик Ин Вань призрачным маревом заколыхался в темноте, искаженный беспредельным горем и яростью.

— Что я сделал? — раздался в ответ вкрадчивый, равнодушный мужской голос. К ногам девушки со стуком покатился какой-то предмет. — Сама погляди.

Стеклянный сосуд, мерно покачиваясь, замер на полу. В мутноватом составе, заполнявшем банку до краев, плавал круглый предмет.

Янтарный глаз.

Он безучастно взирал на объятую ужасом Ин Вань.

— Что... это?.. — едва шевеля помертвевшими губами, выдохнула она.

— Моя дорогая супруга-лгунья, — мужчина тихо рассмеялся, опустившись перед сосудом на корточки. Он с нежностью погладил холодное стекло пальцами. — Если бы не эти недотепы-слуги, проявившие излишнюю прыть, она могла бы развлечь меня еще немного... Но даже так я не утолил свою скуку. Пришлось смастерить из нее сувенир. Впрочем, вещь довольно заурядная. Если хочешь — забирай себе.

— Дуань... Сюань... — прохрипела Ин Вань, задыхаясь от лютой ненависти. — Будь ты проклят... Чтоб ты сдох в страшных муках...

Мир вокруг с оглушительным треском раскололся, точно хрупкий фарфор. Под ногами разверзлась бездонная пропасть, откуда потянуло могильным холодом. Тени сотен призраков взмыли ввысь, и багровое свечение потусторонних фонарей поглотило сознание...

Царство призраков. Мост Левого Уха

Деревянный мост, своими очертаниями пугающе напоминающий человеческое ухо, высился над бушующей рекой. Внизу, в мутном бурлящем потоке, копошились бесчисленные неупокоенные духи. Несколько несчастных выбросило волной на илистый берег. Они судорожно цеплялись за землю, хрипя: «Пить... пить... подышаю...» — и уползали обратно в воду.

С этой стороны моста простиралась безжизненная серая пустошь, с противоположной — шумел огнями пестрый ночной рынок.

У кромки моста выстроились стражники. Нацепив на себя жалкое подобие человеческих одежд, они с чавканьем пожирали сочащееся кровью сырое мясо и лениво покрикивали на толпу бродячих духов:

— Эй, неживые! Кто очухался — шагом марш на перепись! У кого монеты звенят — милости просим на мост. Нищebroды пускай вплавь добираются! Пошевеливайтесь! Завтра лавочку прикроем, локти кусать будете!

— Тьфу, мерзость какая! Это чья вообще клешня была? Будто в дерьме вываляли, жрать невозможно!

Гун Чэнь с трудом разлепил веки. Прямо перед его носом приземлился обглоданный обрубок человеческой руки.

«Какая гадость...»

Голова раскалывалась. Судя по всему, при падении он приложился затылком о землю. Спасибо хоть, кости остались целы.

Гун Чэнь, потирая ушибленное место, медленно поднялся на ноги.

«Мост Левого Уха? Кое-что я об этом месте слышал».

Предания гласили, что возлюбленная первого Владыки призраков утонула в этих проклятых водах, пополнив ряды безликих мертвецов. Обезумевший от горя правитель обратил свое тело в этот самый мост, чтобы изо дня в день внимать стенаниям бездны в надежде вновь различить среди них родной голос. В мире смертных ходило немало легенд о Царстве призраков, но эта была одной из немногих красивых сказок — остальные дышали лишь ужасом.

Двигаясь к заставе, Гун Чэнь лихорадочно сопоставлял факты.

Память Ин Чуньлай напоминала решето. Погружение в ее колесо перерождений не только не пролило свет на случившееся, но и подкинуло еще больше вопросов. Откуда у Ин Вань взялась запретная техника симбиоза? Кто обвел ее вокруг пальца? Каким образом семья Дуань связана с нечистью? И зачем ей понадобилось утягивать за собой живых в обитель смерти?

Впрочем, размышления об этом могли подождать. Гун Чэнь сделал глубокий вдох, настраиваясь на лад. Перво-наперво ему необходимо разыскать шихона.

Едва завершив запись в свитке, Гун Чэнь уже нацелился на переправу, как вдруг к нему размашистым шагом направился дюжий стражник-призрак. В руках он сжимал пару свитков.

— Стой! — зычно гаркнул детина.

Сердце Гун Чэня пропустило удар.

— Эту девку видел? — стражник развернул первый рисунок.

С пергамента на него смотрело лицо Ин Вань.

Гун Чэнь сохранил абсолютное хладнокровие и лишь отрицательно покачал головой. Мысли его завертелись с бешеной скоростью: «Если она якшалась с потусторонними силами, почему теперь на нее объявили охоту?»

— А этого? — стражник ухмыльнулся и неторопливо развернул второй свиток.

Гун Чэнь уставился на собственный портрет.

Он не шелохнулся. Бежать? Нет, глупо. Тушь на бумаге едва подсохла — портрет набросали на коленке буквально только что. Зачем этому проходимцу разыгрывать дешевый спектакль и запугивать его?

Обождать до нитки? У него при себе ни гроша. Лишить жизни? Так он уже мертв.

Заинтригованный Гун Чэнь решил подыграть и вывести истинные мотивы наглеца.

Призрак довольно ослабил, решив, будто парень оцепенел от ужаса. Подавшись вперед, он заговорщицки прошептал:

— Ты у нас теперь важный преступник в розыске. Будешь шелковым — я закрою на тебя глаза и не сдам начальству.

Гун Чэнь едва сдержал вздох презрения.

«Ну надо же, как страшно. Прямо поджилки трясутся».

— Мало того, я даже могу провести тебя по мосту с комфортом, — стражник окинул его липким, оценивающим взглядом. — С тебя — сущая безделица. согласишься на одну услугу, идет?

Гун Чэнь лишь молча приподнял бровь.

В следующий миг этот огромный, косая сажень в плечах детина жеманно придвинулся вплотную и обдал ухо Гун Чэня ледяным, заигрывающим дыханием:

— Гэгэ, как насчет мужской любви? Чур, я снизу~

<http://bllate.org/book/20729/2119654>